

Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-11-31>
УДК 316.4

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ТРУДАХ К. ПОБЕДОНОСЦЕВА

Рюмина Е.В., Степаненко С.Г.

Кубанский государственный технологический университет

Аннотация. Представлен анализ социальных идей политика и мыслителя К. Победоносцева, деятельность которого приходилась на период контрреформ Александра III и носила охранительный характер для отечественной сферы административного управления. Цель работы заключается в определении значимости идей автора для отечественной сферы административного управления. В числе основной задачи рассмотрена специфика внутривнутриполитического контекста того периода. Показано, что ученый, находясь под влиянием собственной консервативно-охранительной ориентации, в своем анализе, акцентирует на психологических аспектах социального управления, не ставя под сомнение эффективность политической составляющей Российской империи, что позволяет говорить об односторонности подобного подхода. Представленная проблематика находится на стыке социологии политики, социальной психологии, однако ее ценность для современной административной сферы, позволяет отнести ее к социологии управления.

Ключевые слова: К. Победоносцев, политогенез, административное управление, бюрократия, управленческая система, теократия, патронатство, меритократия.

SOCIAL MANAGEMENT IN THE WORKS OF K. POBEDONOSTEV

Elena V. Ryumshina, Sergey G. Stepanenko

Kuban State Technological University

Abstract. The article presents an analysis of the social ideas of the politician and thinker K. Pobedonostsev, whose activities took place during the period of counter-reforms of Alexander III and were of a protective nature for the domestic sphere of administrative management. The purpose of the work is to determine the significance of the author's ideas for the domestic sphere of administrative management. Among the main tasks, the specifics of the domestic political context of that period are considered. It is shown that the scientist, being under the influence of his own conservative-protective orientation, in his analysis, emphasizes the psychological aspects of social management, without questioning the effectiveness of the political component of the Russian Empire, which allows us to speak about the one-sidedness of such an approach. The presented problems are at the junction of the sociology of politics, social psychology, but its value for the modern administrative sphere allows us to attribute it to the sociology of management.

Keywords: K. Pobedonostsev, political genesis, administrative management, bureaucracy, management system, theocracy, patronage, meritocracy.

Введение.

Проблематика качества элиты проходит через исторический процесс в виде некоей константы, то обостряясь, то отходя на второй план. Современный мир по многим признакам ближе к последнему, что многократно подчеркивается отечественной (В. Иванов) и зарубежной (К. Крауч, Д. Дзолло) ученой мыслью.

Постоянство данной проблемы, подтверждается ее упоминанием во многих работах социально-политического характера, причем, в некоторых из них вопросы качества элиты выступают в качестве ключевых.

Если применять к нынешней социальной действительности критерии постиндустриального общества, декларируемые его апологетами, то современная реальность принципиально расходится с признаком меритократии – господства лучших и наиболее достойных. Впрочем, идентификация по линии лучшие/худшие отдает субъективизмом. В силу этого, наш объект исследования будет ограничен сферой социального управления, где оценка деятельности, складывается, прежде всего, из профессионализма, к которому примыкает этическая составляющая либо ослабляя, либо усиливая его. Именно эта сфера подвергается ос-

новательному анализу К. Победоносцева, а актуальность высказанных идей не вызывает сомнений, поскольку затрагивает многие черты человеческой природы, имеющей всегда архетипическую укорененность. На сегодняшний день высказанные им соображения не потеряли ценности и не являются устаревшими.

Результаты. Обсуждение.

Обращение к этим трудам обусловлено как их высокой теоретической значимостью для современной социально-политической практики и теории, так и поводом «обелить» его образ в качестве ключевой фигуры на определенном этапе отечественной истории, так как левым публицистам, блогерам, ученым, свойственно отождествлять его с «махровой» реакцией, видя в нем, олицетворение российского варианта Инквизиции. Мифологизация К. Победоносцева, оставляет за кадром конструктивные идеи этого «реакционного, но великого мыслителя» [1].

Исторический отрезок, на котором «взошла звезда» К. Победоносцева как государственного деятеля, приходится на правление Александра III, вступившего на престол после убийства революционерами-террористами своего отца – императора Александра II. Этот недолгий промежуток времени получил расхожее определение контрреформ или реакции, вдохновителем и идеологом которых считается К. Победоносцев. Российская империя к тому моменту прошла определенные стадии политического развития, наполняя их собственным содержанием и спецификой.

Для общей характеристики отечественного политогенеза мы предпочитаем использовать подход Л. Гринина, предлагавшего модели раннее государство - развитое государство - зрелое государство, отражавшие принципы мультилинейного эволюционизма. Если ранее государство – только формирующаяся политическая структура конкретного общества, еще не полностью пригнанная к нему, развитое государство – уже естественная политическая форма с уже, как правило, централизованной властью, то зрелое государство, является по сути, органической политической формой данного общества, будучи жестко с ним спаянным [2]. Здесь уже в наличии отделенный от населения развитый административный аппарат, который обеспечивает внешнюю и внутреннюю политическую жизнь, достаточно глубоко проникая в общественные процессы, подвывая их регуляции.

Согласно Л. Грину, зрелое государство обладает дополнительными характеристиками,

которые отличают его от предыдущей стадии политогенеза – стадии развитого государства. Прежде всего, здесь наличествует более рационально выстроенная управленческая система, исключающая случаи многофункциональности, нередко присущие представителям аристократической элиты (например, местничество). Происходит бюрократическая специализация – управленческие сегменты отделяются, концентрируясь на собственной конкретике. Если при развитом государстве бюрократия наполняла лишь отдельные сферы управления, то в условиях зрелого государства она распространяется и на другие области, в некоторых случаях приобретая тотальный смысл. Тем самым, повышается потребность в профессиональных управленцах как квалифицированных кадрах, что на данном витке политогенеза феномен бюрократии приобретает столь известные веберовские характеристики. Наконец, параллельно управленческой рационализации происходит рост образованности и усиления правового обеспечения.

Автор связывает вступление Российской империи в стадию зрелого государства с правлением Александра I [2], когда была проведена министерская реформа, имевшая долгосрочный характер – министерства пережили не только Российскую империю, но и просуществовали весь советский период, иногда лишь меняя названия (наркоматы).

Вполне закономерно, бросающийся в глаза, рост чиновничьего сословия в течении XIX в., что, впрочем, являлось продолжением тенденции, заложенной в предыдущие столетия.

В 1796 г. число государственных служащих составляло около 16 тыс., тогда как население Российской империи составляло 36 млн. чел. (один чиновник на 2250 жителей). В дальнейшем, при росте и населения и количества госслужащих в 1851 г. один чиновник приходился уже на 929 человек. К началу XX столетия численность государственного административного аппарата составляла 385 тыс., а население – 129 млн. человек (один чиновник на 335 человек).

Тем самым, на протяжении XIX в. количество госслужащих в сопоставлении с ростом населения выросло почти в 7 раз [3].

Объективно рост служащих административного аппарата свидетельствовал о политическом развитии. По словам В. Спиридоновой, отечественная бюрократия выступает специфической матрицей российской власти [4]. В схожем характере рассуждает В. Шевченко, полагая что чиновничество стало несущей опорой, становым

хребтом государства, который можно разрушить, а восстановить труднее, не говоря о том, чтобы улучшить [5].

Тем самым, в русле подобной логики, чиновничья составляющая есть ключевой признак российской государственности, которую постигнет очевидный крах без чиновничьей составляющей.

С другой стороны, феномен российского чиновничества оказывался серьезно окрашенным в негативные тона. Госслужащие, осознавая свою силу и значение, в определенные моменты могли диктовать свою волю и условия высшей власти. Тренд постепенного ослабления политической субъектности первого лица за счет усиления чиновничества проходит через весь имперский период. Высшая власть попросту все больше уступает собственные функции бюрократическому привилегированному слою, который присваивая полномочия высшей власти, стремится править от ее имени [5].

Качественная составляющая отечественной бюрократии все более оставляла желать лучшего, что отмечалось не только отечественной художественной и публицистической литературой (Н. Гоголь, А. Герцен). Жесткая критика чиновничества следовала даже со стороны представителей того же самого самодержавия, с которым чиновничество органично было связано в рамках сформировавшейся государственности. Так, в одном из первых отчетов Третьего отделения (1827 г.) по поводу чиновников констатировалось: «Это словесие, пожалуй, является наиболее развращенным морально. Среди них редко встречаются порядочные люди. Хищения, подлоги, превратное толкование законов - вот их ремесло. К несчастью, они-то и правят, и не только отдельные, наиболее крупные из них, но, в сущности, все, так как им всем известны все тонкости бюрократической системы» [6]. В конце правления Николай I, в идеологию правления, которого чиновничество вписывалось как нельзя лучше, вынужден был признать, что Россией правят столоначальники.

Таким образом, проблема разрастающегося и качественно деградирующего административного аппарата признавалась многими группами российского социума, даже занимающими различные политические и идеологические позиции. В плане ее решения можно отметить как реформаторскую и охранительную линию. Если первая призывала к преобразованию политической системы в сторону ослабления вертикали власти и демократизации, то вторая ратовала за

более удачный качественный отбор госслужащих, усиления среди них этического начала.

Подобная традиция просматривается в работе Н. Карамзина «Записка о древней и Новой России», статья К. Победоносцева «Власть и начальство» в Московском сборнике написана в сходном духе. Автор сборника исходит из наличия некоего властного архетипа (хотя, естественно, подобная терминология им не употребляется), при этом в массовом сознании неизменна тенденция одухотворения власти, придания ей теократического смысла. В то же время, власть может иметь различный характер, и люди, сколько не живут, страдают то от власти, то от безвластия. Однако попытки вместо власти поставить силу закона приводят к насилиям «еще тяжелее прежних». В значительной степени, высшая власть – результат двойственной природы самого человека, в котором сталкиваются как стремление к добру, так и противоположное стремление к злу. Власть здесь воспринимается как верховный арбитр, мерило правды, которая имеет «источником и основанием Всевышнего Бога и закон Его» [7]. Именно на это настроена масса человечества.

Из теократической предпосылки К. Победоносцев выводит идею служения, которая должна быть жестким ориентиром для всякой власти. Как пишет обер-прокурор, «дело власти есть дело непрерывного служения, а потому, в сущности, - дело самопожертвования». Владелец властных полномочий должен сливать собственную деятельность «с сознанием долга и ответственности», в противном случае власть неизбежно ждет падение и разложение. Причем, ориентир этот должен быть всегда актуализирован. «Стоит власти забыть, и она уже отрешается от мысли о правде своего служения и о благе общественном, которому служить призвана» [7].

Отсюда вытекает проблема качественного отбора людей во власть твердых и честных, противопоставляя им людей «двоедушных и лживых». Но с возрастанием возможностей политико-информационного обеспечения, расширяются масштабы демагогии, что в подобных условиях нивелирует вышеприведенные различия. Автор Московского сборника современные ему условия оценивает, как способствующие распространению именно демагогов – определенной человеческой породы, представители которой делают ставку не на умения и навыки, но способность «красно говорить, о чем бы то ни было, красно доказывать истину... и вести искусную игру, рассчитанную на впечатлительность слушателей». Немного осталось тех, кто, «пройдя эту школу,

успел еще сохранить в себе твердую мысль, добросовестность суждения и способность опознаваться в истине посреди тучи общих взглядов и формул новейшей софистики» [7].

К. Победоносцев признает сложность и противоречивость людской сущности – ничего не поделаешь, люди зачастую рвутся к власти ради самой власти. Последняя немало возвышает человеческое достоинство и самооценку. Однако это не так страшно, если достоинство идет рука об руку с долгом. Но «по мере того, как бледнеет сознание долга, сознание достоинства, расширяясь и возвышаясь не в меру», ведет к гипертрофии власти. Именно субъективное осознание долга выступает главным условием наибольшей функциональности, определяя некие рамки и вектор власти, без которого наделенный властью человек начинает воспринимать власть как саму для себя существующую, что выступает началом разложения власти [7].

Таким образом, К. Победоносцев демонстрирует собственный взгляд на человеческую природу, отмечая ее дуализм, основанный на переплетении конструктивных и деструктивных импульсов. Во многом, схожая философско-антропологическая оценка просматривается у основателя психоанализа З. Фрейда, где он оперирует категориями жизненного инстинкта (либидо) и инстинкта смерти (мортидо).

Но в чем заключаются ключевые характеристики функциональной власти? Прежде всего, начальник являет собой образец для подчиненных – как «он станет держать себя, так за ним причаются держать себя и другие». При этом подобный механизм, согласно автору, будет действовать даже вне служебных отношений. В то же время, начальнику следует «столь же твердо соблюдать и достоинство своих подвластных», доверять им, давая им возможность проявлять свои знания и компетенции. Здесь автор указывает на необходимость правильного распределения обязанностей и ограничения компетенций. Начальник не может вникать абсолютно во все вопросы управления – это обязательно приведет к ошибочным решениям. Необходима определенная совещательность и коллегиальность. Признается распространенность проблемы, антропологического и психологического плана – это привычка «не терпеть и не допускать возражений и противоречий: это свойство не одних только умов ограниченных, но встречается нередко у самых умных и энергичных, но не в меру самолюбивых и самоуверенных деятелей». А тут уже близко к проявлениям административного произвола и самовластия. На наш

взгляд, именно это обстоятельство пронизывало деятельность Петра I, выхолостив немало его весьма конструктивных начинаний [8].

В то же время, самовластье вступает предпосылкой одного из распространенных недостатков бюрократии, которое определяется как «равнодушие». Просматривается ориентация в политических решениях на формальные теоретические положения при игнорировании живой жизни. Ведь «за каждой бумагой стоит или живой человек, или живое дело, и что сама жизнь настоятельно требует и ждет соответственного с нею решения и направления» [7].

Немаловажное значение для повышения управленческой компетентности признается за фактором погружения в практическую деятельность. Именно это обстоятельство должно быть основным критерием кадрового отбора – ключевого условия успешного функционирования власти. По сути, во взглядах обер-прокурора Священного Синода просматривается явное тождество с известным сталинским выражением «кадры решают все». Распространенная проблема – ставка на формальные критерии отбора, а именно на образовательные патенты. Власть идет по линии наименьшего сопротивления, тем самым порождая в будущем для себя же самой серьезные трудности. Между тем, имеются примеры лучших учеников, которые оказались не годны для практической деятельности, а также обратных случаев – худших учеников, проявивших себя замечательно в деле. Достаточно фактов, когда «способность людей открывается лишь с той минуты, когда они прикоснулись к живой реальности дела» [7], ведь до того, обучаясь различным теоретическим знаниям, они были отстранены от практических дел, а, следовательно, не могли в полной мере проявить собственные профессиональные склонности.

Большое внимание уделяет автор факторам, деструктивно влияющим на процессы управления. Речь идет о явлениях, которые подпитывают то самое психологическое достоинство власти, делая его чрезмерным. В результате, честолюбие и властолюбие начинают выходить на первый план у начальствующей личности, что подмечал еще Платон, характеризуя проблематику политического управления через термин «тимократия» [9].

Испытание властью очень тяжело, как признает К. Победоносцев, «соблазн велик и для доброго и, прибавим, для тщеславного человека, а оба эти качества нередко соединяются: как сладко быть патроном, встречать со всех сторон

приветливые и благодарные взгляды» [7]. Но эти психологические склонности выливаются в процессы социального или группового масштабов.

Распространенный в управленческих кругах феномен патронатства, выступает следствием ослабления нравственного начала власти. Многими облаченными властью овладевает страсть покровительствовать и раздавать места и должности, что, в подавляющем большинстве случаев, происходит за счет забвения общественных интересов, ведь «благодетелья этого рода раздаются часто на счет блага общественного, на счет благоустройства служебных отпращиваний, наконец на счет казенной или общественной кассы». Такого рода процессы нередко даже исходят вроде из благих намерений, но в масштабах государства такого рода явления обычно превращаются в проблему для страны.

При таких раскладах государственная казна представляется «неисчерпаемым рогом изобилия, откуда сыплются блага и милости всякого рода, куда можно обращаться с твердой надеждой на исполнение какой-то заповеди: просите и дастся вам; где всякую нужду, облеченную в привычные формы, милостиво и благодушно приемлют». К. Победоносцев, будучи погруженным в практическую деятельность, утверждает возможную вероятность распространения такой установки на все общество. Тогда наступает своего рода всеобщая деморализация «как облагающих властей, так и облагаемых обывателей», обществом «овладевает какое-то бессмысленное чуждое благо и милостей от казны и государства. Возрастают ряды чиновников, плодятся учреждения, растут оклады; вместе теми возрастает обложение, и государственный бюджет принимает чудовищные размеры, вбирая в себя несущиеся отовсюду изобретения, претензии и требования частных интересов и социальных фантазий» [7].

В плане одного из основных негативных факторов для конструктивной в общественном плане власти вступает лезвие, которая является наиболее распространенным механизмом манипуляции начальником со стороны подчиненных. Насколько этот старый как мир прием будет эффективен, зависит опять же от личностных характеристик, облеченного властью. Уверенный в себе человек, обладающий цельным и твердым взглядом на жизнь, оказывается свободным в отношении с людьми, обладая неким иммунитетом от подобного рода манипуляций. Такого рода личности и формируют вокруг себя команду из людей, сходных им по духу. Естественно, что иная ситуация складывается с людьми, которые

не подготовлены к власти дисциплиной труда и воли. Подобных людей достоинство власти как ослепляет, так и обессиливает, он «не умеет ценить и в других духовное достоинство: оно лишь обличает и смущает его». Ему куда ближе люди «невысокого духа и житейских наклонностей, которые льстят ему, применяясь к праву его и наклонностям». Это и выступает главной предпосылкой фаворитизма [7].

Еще одним феноменом, мешающим делу управления, выступает товарищество. Речь идет об установившихся с ранней молодости близких отношениях, которые затем выступают основанием для приближения тех или иных людей, предоставления им соответствующих должностей, невзирая на то, способны они к этому или нет. То же самое можно сказать о родственных связях.

В качестве вывода задается риторический вопрос: «Остается ли при этом и какое место заботе о благе общественном, ради коего власть вверяется начальственному лицу?» и отвечает на него «Остается лишь одно имя общественного блага, лицемерно начертанное на знамени того сана, который начальник носит, той должности, которую он занимает» [7].

Заключение.

Приведенные рассуждения заставляют видеть в К. Победоносцеве серьезного и вдумчивого мыслителя, который глубоко проникая в сущность управленческой среды, выявляет многие ее проблемы, по сути не имеющие срока давности. Вряд ли уместно спорить с тем, что рассмотренные более столетие назад вопросы ничуть не потеряли своей актуальности на сегодняшний день. Однако верный своей позиции охранителя К. Победоносцев не ставит под вопрос эффективность собственно политической структуры. В его понимании бюрократический аппарат мертвеет, если он наполнен равнодушными плохими кадрами и оживляется, когда в него приходят деятельные компетентные люди, которым не чужда этика служебной ответственности. Намеренно или нет, но обер-прокурор не рассуждает о том – а не может ли сама политическая структура выхолостить даже самые благие личностные намерения, превратив честных людей в мертвые винтики бюрократической машины? Работа «Власть и начальство» - превосходный анализ психологических аспектов политического управления, но лишь косвенно затрагивающий его социологические и социокультурные стороны, которые имеют немаловажное значение, а на определенных историче-

ских поворотах могут выходить на позиции главного фактора. Это заставляет сделать общий вы-

вод о некотором одностороннем смысле идей автора касательно области административного управления.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Дворниченко А.Ю. *Российская история с древнейших времен до падения самодержавия*. М.: Весь мир, 2010. 944 с.
2. Гринин Л.Е. *О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность*. 2006 №1. С. 3-45.
3. Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке*. М.: Мысль, 1978. 288 с.
4. Спиридонова В.И. *Западные теории бюрократии и российская действительность // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни*. М.: ИФРАН, 2008. С. 7-62.
5. Шевченко В.Н. *Российское государство и российская бюрократия: ретроспектива и перспектива /В. Шевченко // Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни*. М.: ИФРАН, 2008. С.101-150.
6. *Россия под надзором: отчеты III отделения 1827-1869 гг. Сборник документов*. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив». 2006. 706 с.
7. Победоносцев К.П. *Власть и начальство // Московский сборник*. М.: Синодальная типография, 190. 368 с.
8. Тамбиянц Ю.Г. *Петр I как историческая личность: роль субъективного фактора // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Социокультурные преобразования Петра I в системе его комплексных реформ: проекты, реальность, последствия»*. Краснодар: КГИК, 2022. С. 154-161.
9. Платон. *Политика или Государство / Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством*. М.: Эксмо, 2003. С. 7-307.

References:

1. Dvornichenko A.Yu. *Russian history from ancient times to the fall of the autocracy*. Moscow: Vesmir, 2010. 944 p.
2. Grinin L.E. *On the stages of the evolution of the state. Problems of theory // History and modernity*. 2006 No. 1. Pp. 3-45.
3. Zayonchkovsky P.A. *Government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl, 1978. 288 p.
4. Spiridonova V.I. *Western theories of bureaucracy and Russian reality // Bureaucracy in the modern world: theory and realities of life*. Moscow: IFRAS, 2008. Pp. 7-62.
5. Shevchenko V.N. *Russian state and Russian bureaucracy: retrospective and prospect /V. Shevchenko // Bureaucracy in the modern world: theory and realities of life*. Moscow: IFRAS, 2008. Pp. 101-150.
6. *Russia under supervision: reports of the III section 1827-1869. Collection of documents*. Moscow: "Ros. cultural fund": "Russian Archive". 2006. 706 p.
7. Pobedonostsev K.P. *Power and authorities // Moscow collection*. Moscow: Sinoidal printing house, 190. 368 p.
8. Tambiyants Yu.G. *Peter I as a historical figure: the role of the subjective factor // Materials of the All-Russian scientific and practical conference "Sociocultural transformations of Peter I in the system of his comprehensive reforms: projects, reality, consequences"*. Krasnodar: KGIK, 2022. Pp. 154-161.
9. Plato. *Politics or State / Plato, Aristotle. Politics. Science of public administration*. Moscow: Eksmo, 2003. 307 p.

Информация об авторах:

Рюмшина Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет.
Email: rumshina@yandex.ru

Степаненко Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет.
Email: emirtu@yandex.ru

Elena V. Ryumshina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University.

Sergey G. Stepanenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Law and Human Resources, Kuban State Technological University.